

Кочеров Сергей Николаевич

Нижегородский государственный педагогический университет
доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
и общественных наук

Kocherov Sergey Nikolayevich

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

PhD, head of the Chair of Philosophy and Social Sciences

E-Mail: kocherov@yandex.ru

УДК – 130.2

Социокультурная идентичность российской провинции

Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 14-13-52002

«Показатели удовлетворенности качеством жизни жителя российской провинции как критерии эффективности деятельности культурных институций (на примере Нижнего Новгорода)»

Аннотация: В статье анализируется проблема идентичности россиян, рассмотренная на материале исследований предпочтений жителей российской провинции. Показывается, почему сегодня понятие «русский» превалирует над понятием «россиянин». Социальные противоречия и неразвитость гражданских отношений приводят к преобладанию этнокультурной или региональной идентичности над национально-государственной идентичностью. Для того чтобы стать национальной парадигмой концепция русского мира должна быть дополнена современным вариантом русской идеи.

Ключевые слова: идентичность, этнос, регион, нация, патриотизм, русский мир, русская идея

Sociocultural identity of the Russian provinces

Summary: the article analyzes the question of the identity of the Russians basing on the study of preferences shown by residents of the Russian provinces. The article shows why nowadays the term «Russian» prevails over the concept of «Russian citizen». Social contradictions and the underdevelopment of civil relations lead to the dominance of ethno-cultural or regional identity over national-state identity. To become the national paradigm, the concept of the Russian world should be complemented with the latest version of the Russian idea.

Key words: identity, ethnicity, region, nation, patriotism, Russian world, the Russian idea

Социокультурная идентичность российской провинции

Одно из драматичных противоречий российской жизни состоит в том, что, в то время как для модернизации России необходимо соединение творческих сил всех ее граждан, у многих россиян нет ясно сознаваемого чувства своей причастности к «большому

обществу». После 1991 г. на смену так окончательно и не сложившейся морально-идеологической общности под названием «советский народ» пришли национальные образования в виде титульных народов республик бывшего СССР. Однако в самой России, где исторически проживает множество этносов, процесс оформления российской нации принял затяжной характер. В условиях падения устоев прежнего образа жизни, к которым относились советский патриотизм и социалистический интернационализм, многие жители России остро ощутили кризис идентичности – как на индивидуальном, так и на групповом уровне. К.С. Гаджиев, обобщая взгляды Э. Эриксона и П. Бергера, определяет идентичность как «некий целостный образ, который индивид составляет о самом себе, неизменный во всех жизненных ситуациях, в которых осознает себя индивид» [1, с. 4]. Идентичность позволяет человеку соотнести индивидуальный «я – образ» с коллективным «мы – образом». Она является одной из основ личностного и социального самоутверждения, важным показателем, на основе которого индивид устанавливает различие между «я» и «другой», «мы» и «они».

Рассмотрим вопрос о социокультурной идентичности в современной России, взглянув на него не с точки зрения жителя Москвы, который зачастую склонен экстраполировать столичные проблемы на всю страну, а глазами человека российской провинции, сознающего свою идентичность посредством соотнесения своей «малой родины» со всей Россией. Такое видение проблемы, безусловно, не избавляет от субъективизма, однако позволяет избежать «москвоцентризма», проистекающего из убеждения в том, что самые значимые социальные, политические и культурные процессы вершатся в Москве (ну, разве что еще в Петербурге), а другие регионы рано или поздно перенимают все, что доходит к ним из двух столиц. Взгляд из «российской глубинки» представляет интерес еще и потому, что по мере удаления от средоточия государственной власти более органично проявляется стихия народной жизни.

Идентичность – на индивидуальном, групповом или национальном уровне – формируется посредством уяснения своих признаков, соотнесения их с качествами субъектов, похожих и непохожих на нас, и закрепления их в образе «мы», выступающем критерием для распознавания «своих» и «чужих». В жизни российской провинции особенно заметно, что главной проблемой, которая не дает россиянам осознать свою глубинную общность, является различие в уровне материального благосостояния между разными слоями населения. Конечно, деление на богатых и бедных проходит через всю историю цивилизации, так что наша страна в этом отношении вовсе не является исключением. Однако чем беднее страна или регион, тем сильнее заметно не только имущественное расслоение, но и различие в личном благосостоянии, что проявляется главным образом в низком уровне потребления беднейших слоев населения. Это подкрепляет характерное для значительной части россиян убеждение, что богатые богатеют за счет бедных. Какое же единение может быть между теми, кто считает себя обделенными, и теми, в ком видят виновников своих бедствий?

Другой важной проблемой, затрудняющей идентификацию современных россиян, является неразвитость гражданских отношений. В сознании жителя провинции еще в меньшей степени, чем в сознании москвича или петербуржца, отражается связь между национальной принадлежностью и гражданством. Для американца или «старого» европейца гражданство неразрывно связано с большим объемом прав и свобод, которые он имеет в своей стране, что побуждает его гордиться своим отечеством. Россияне же в своем большинстве не могут указать, какие именно блага дает им обладание российским паспортом – как на территории своей родины, так и за ее пределами. Современный российский патриотизм основан не столько на гражданских чувствах, сколько на любви к искусству, природе, а также к истории своей страны. Как показывает сравнительное исследование российских и украинских регионов, «гордимся мы чаще всего тем, что создано не нами – природой (86%), историей (36%), литературой и искусством (90%), а то,

что зависит от нас самих – уровень образования, экономические достижения даже в докризисные годы составляло гордость не более чем у 50% опрошенных» [3, с. 32]. При таком отношении должно пройти еще немало времени, чтобы жители российской провинции в своем большинстве на вопрос «кто они?» с гордостью отвечали бы: «россияне».

В прошлом, как подданный Российской империи, так и гражданин Советского Союза связывал свою идентичность не с личными правами и свободами, а с мощью своего государства. И сегодня люди в российской провинции со своим патерналистским сознанием, более присущим им, чем жителям двух столиц, ожидают от государства проявлений военно-политического могущества (почему с таким ликованием было встречено возвращение Крыма), а также «отцовской» заботы. Однако за 1990-е – 2000-е годы образ государства в глазах народа сильно изменился. Если в сталинское время государство было его суровым, вплоть до беспричинной жестокости, защитником, а в брежневский период – снисходительным куратором, который «себя не забывал, людей не обижал», то в настоящее время он все чаще видит в нем коррумпированного и равнодушного к его нуждам чиновника. Может ли быть единство между теми, кто считает, что живет в полном беспорядке, и теми, кто ставит себя выше закона?

Не случайно многие ученые констатируют, что в современной России наблюдается кризис идентичности, который, как пишет К.С. Гаджиев, «является результатом разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения доверия к ним и к существующей власти» [1, с. 11]. Но что остается делать людям, привыкшим полагаться на государство, которое все менее склонно им помогать и все дальше отходит от их нужд? Согласно немецкому философу В. Хёсле, кризис идентичности, как правило, вызывает регрессию к более архаичным и примитивным ценностям, поскольку, отвергая непосредственно зримые структуры самости, «я» не перестает нуждаться в самости, и его выбор может определяться более старыми структурами [4]. Имущественное расслоение населения, не основанное на принципе «каждому – по труду», и падение авторитета государства как института, призванного играть роль социального арбитра в споре между трудом и капиталом, побуждает многих россиян искать поддержку в «малых сообществах».

Так, представители малых или «некоренных» этносов, проживающих вдали от родных мест, объединяются в землячества. Молодые люди, испытывающие потребность в активной позиции, если к тому же они еще хотят повысить адреналин в своей крови, вступают в различные объединения – спортивные, идеологические, культурные. Любители быстрого обогащения и рискованной жизни пополняют преступные сообщества. Верующие, в поисках своего бога и «братьев по вере», присоединяются к существующим сектам или создают новые. Каждая из таких групп, предоставляя неопитам возможность почувствовать себя в ней «своим» и обеспечивая им до известной степени поддержку и безопасность, как правило, требует от них взамен верности своим традициям и правилам поведения. Причем, эти правила могут существенно отличаться от правовых и моральных норм, принятых в «большом обществе». В конфликтных ситуациях между этими правилами и нормами в силу вступает такой идентификатор, как деление на «своих» и «чужих», при котором приоритетным является выполнение обязательств перед своей группой.

Социологические исследования в российской провинции показывают разное соотношение этнических, региональных и гражданских характеристик в образе «мы», столь важном для идентификации. По данным общероссийского опроса Института социологии РАН, единство с людьми своей национальности в разной мере ощущали 85,6% опрошенных (часто – 42,3%, иногда – 43,3%), тогда как единство со всеми гражданами России – 65% (часто – 19,8%, иногда – 45,2%). Но, если для русских идеи российской идентичности совпадают с «русскостью», то для представителей других народов главным объединяющим их признаком является этническая и региональная идентичность. В Саха

(Якутия), например, 97% якутов идентифицировали себя с республикой (регионом) и 92% – со своей этнической общностью, причем 83% опрошенных ощущают значительную связь с республикой и 72% – с национальностью. По результатам тех же исследований, в регионах с доминирующим русским населением российская идентичность является более значимой, чем этническая. Но разброс положительных ответов на этот вопрос довольно значителен. Так, если 90-95% жителей Свердловской, Томской, Воронежской областей ощущали себя гражданами России, то в Саратовской, Калининградской области и в Приморье этот показатель снижался до 82-77%. Ощущение близости с людьми своей национальности (главным образом, с русскими) испытывали 86% свердловчан, 61-77% саратовцев, томичей, жителей Воронежской области и 55-57% жителей Калининградской области и Приморья [3, с. 30-32].

Так проявляются реальные этнокультурные различия внутри самого русского народа. Известный историк и географ Л.Н. Гумилев не случайно писал в своих работах конца XX века, что в настоящее время русские представляют собой, скорее, суперэтнос, чем большой этнос. В самом деле, достаточно сравнить внешний вид, речевые особенности, бытовую культуру и менталитет северных поморов и краснодарцев, жителей Калининградской области и Приморского края, чтобы испытать затруднения с отнесением их к одному народу. При таком многообразии проявления «русскости» нет ничего удивительного в том, что в периоды ослабления идентичности на этническом уровне делаются попытки самоопределения по региональному признаку (например, «мы – уральцы», «мы – сибиряки»). Обычно эти заявления звучат на круглых столах, которые проводит региональная интеллигенция, но иногда они слышатся и в кабинетах местных чиновников. Когда же такие настроения разделяются известной частью населения, это чаще всего является «посланием» федеральному центру, всплеском раздражения за его невнимание к тому, что происходит за пределами центральной части России.

Порой ученые и журналисты отдаленного от Москвы региона начинают внедрять в сознание населения мысль о том, что оно принадлежит к какой-то особой группе русского народа, отличающейся в социокультурном отношении от его основной массы. Нечто подобное уже происходит в Калининградской области, жителям которой внушают, что они потомки пруссов или неких «балтов», которые, в силу своего европейского происхождения, превосходят по культуре жителей «материковой» России. А иногда руководитель русского региона в желании произвести впечатление на избирателей и сплотить их вокруг своей персоны начинает рьяно продвигать идею некой этнокультурной особенности подведомственного ему населения. Тогда начинаются разговоры о «кубанской идентичности» населения Краснодарского края, не смущаемые тем обстоятельством, что далеко не все его районы (например, черноморское побережье) входили в прежнюю Кубань. Это уже не говоря о том, что предками кубанцев были запорожские казаки, переселенные при Екатерине II на земли южной России. Неудивительно, что сегодня эту тему подхватывают украинские националисты, предъявляющие претензии на «восстановление исторической справедливости и «возвращение кубанских земель Украине».

Конечно, в большинстве русских регионов нет объективных причин для появления искусственных региональных идентичностей. В качестве одного из примеров можно привести Нижегородскую область, в которой патриотическое сознание населения имеет совершенно другие корни. Нижегородцы не чувствуют своей связи ни с племенем вятичей, которое в древности обитало в этих землях (как «прусы», или «балты», в Калининградской области), ни с общим переселением из других мест (как казаки в Краснодарском крае). Их чувство региональной гордости связано с наиболее ярким событием в истории края – формированием нижегородского ополчения 1611-1612 года. Но это событие, которое дореволюционный историк Иван Забелин охарактеризовал как «дело великое, величайшее из всех наших исторических дел, потому что оно в полном

смысле дело народное» [2, с. 13], было явлением не только регионального, но и национального масштаба. Здесь региональный патриотизм органически сочетается с общенациональным патриотизмом, который является важным индикатором национально-государственной идентификации человека.

В настоящее время общероссийская идентичность представляет собой весьма противоречивое явление. С одной стороны, в большинстве российских регионов явно растет процент населения, считающего важной характеристикой россиянина чувства патриотизма и ответственности за Россию. С другой стороны, само понятие «россиянин» пока не вызывает живого отклика у большинства жителей России, несомненно, уступая по популярности понятию «русский». Это связано с тем, что общероссийская идентичность обусловлена не этнокультурными, а общегражданскими характеристиками. Выбор такой идентичности предполагает осознание себя не просто частью своего народа, но гражданином своего государства. В современной России гражданское самосознание находится еще в стадии формирования, как и само гражданское общество. Поэтому никакой особенной гордости, что он является гражданином России (в отличие от патриота России) наш человек пока не испытывает.

Как справедливо заметил К.С. Гаджиев, «идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер» [1, с. 5]. Почему, например, сегодня все реже, даже в официальных сообщениях, употребляется понятие «русский мир», которое так часто звучало в выступлениях политиков и сообщениях журналистов весной 2014 года? На мой взгляд, это связано не только с тем, что данное понятие было в известной мере дискредитировано событиями на Украине, где представители «русского мира» ведут гражданскую войну между собой. Проблема еще и в том, что концепция русского мира до сих пор не стала той «национальной парадигмой», которой должна быть идея такого рода. Для этого необходимо, но недостаточно политической географии, знания русского языка и русской культуры, исповедания православия и общей исторической памяти, т.е. тех признаков, которые в своей совокупности, как полагает большинство исследователей, конституируют социокультурную общность под названием «русский мир». Необходима еще идеологема, несущая в себе ценности, которые объединяют представителей этого мира и являются настолько важными, что позволяют ими гордиться и избегать соблазнов «чужих миров». Не может быть русского мира без русской идеи!

Литература:

1. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. — № 10. – С. 3-16.
2. Забелин И. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1883. – 326 с.
3. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. / Под редакцией Л. Дробижевой, Е.Головахи. – К. Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. – 280 с. [Электронный ресурс]. URL:http://www.civisbook.ru/files/File/Nazion_grazdan_ident_Ukraina.pdf. (дата обращения: 03.10.2014).
4. В.Хёсле. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 112-123.